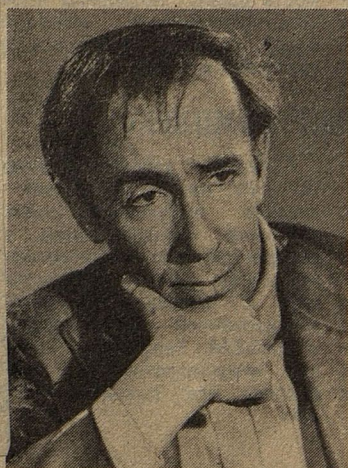

ХОЖДЕНИЕ В ОДНУ СТОРОНУ

— Как вы, Валентин Юрьевич, пришли к пониманию своей актерской сути? Мечтали об этом с детства или, быть может, хотели стать только музыкантом?

— Жизнь всегда неоднозначна, неординарна, неожиданна. Она буквально на каждом шагу преподносит новости, разного рода сюрпризы, а то и открытые подарки.

По складу мышления я абсолютно не технический человек, то есть мог бы поступить на любой гуманитарный факультет. Но... случилось так, что юрфак МГУ был рядом с консерваторией, где работала мама. Вопрос был решен. Потом мы так и называли начало каждого рабочего дня — хождение в одну сторону.

И все-таки жизнь (а значит, и собственную натуру) не обманешь. Мысль о том, что существует где-то театр, который, кстати, начал будоражить меня достаточно рано, еще в школе, никогда не покидала меня. Если настоящую, невыносимую тягу к театру я, так сказать, спровоцировал сам спустя 10 лет, во время войны (когда посмотрел все спектакли эвакуированного в Саратов МХАТа), то музыкальные способности обнаруживались помимо меня. Музыка живет во мне постоянно — об этом, по-видимому, говорят и мои «шансонные увлечения».

— Напомним читателям, что вы часто выступаете на концертах как исполнитель песен, аккомпанируя себе на рояле. В 1976 году вышел большой диск с песнями Валентина Никулина...

— Здесь я обязан прежде всего Окуджаве. Очень часто спрашивают: почему не Владимиру Высоцкому? Наверное, потому, что Булат Шалвович ближе мне по поколению. Мое общение с ним началось в 1957—1958 годах — сразу стало совершенно ясно, что это — поэт. Я уже тогда «напевал» — осваивал профессию актера. Но, знаете, почему-то я никогда не делал упора на музыкальные увлечения: главное — театр и второстепенное — музыка существовали во мне параллельно...

— Вся ваша творческая жизнь связана с «Современником». Чем же объясняется такое ваше «постоянство».

Известный актер Валентин Никулин уже более 20 лет работает в московском театре «Современник». Кроме того, он снялся более чем в пятидесяти фильмах.

Никулин не сразу пришел в театр: сначала учился на юридическом факультете Московского университета и, уже будучи студентом четвертого курса, поступил в школу-студию МХАТа. Его мать была известной пианисткой — видимо, поэтому и сам актер обладает хорошими музыкальными данными.

— Наверное, мне везло. Еще не закончив университета, знал, что принят в школу-студию МХАТа. Не закончив ее, был принят в театр «Современник». Это случилось так. На 3-м курсе появилась моя первая работа, которая пошла в диплом, — чеховская «Свадьба». На спектакль нашего курса пришла вся тесная компания основателей «Современника» во главе с О. Ефремовым. Посмотрели, похвалили нескольких молодых актеров. Про меня же, как мне потом сообщили, было сказано: «Ну, а это просто наш человек!». Таким образом, и тут судьба моя была решена внутри, исподволь. То есть у меня не было пауз, когда человек садится и думает: «Куда пойти? Что выбрать?» Каждая последующая фаза зарождалась внутри предыдущей.

— Вы сыграли массу ролей в театре и кино. Но среди них есть две, о которых критики говорят не иначе как об открытии принципиально новых возможностей актера. Это — роль Смердякова в фильме по роману Достоевского «Братья Карамазовы» и роль Актера в пьесе Горького «На дне». Как вы сами оцениваете эти роли?

— Трудно сказать. Их больше оценивали со стороны. Да и я считаю: актер при любом успехе (или наоборот) должен, как ребенок, чего-то не понимать. Я просто поверил на слово, когда мне сказали: «Знаете, Валя, вы не просто ближе всех к Достоевскому из персонажей, вы вообще — человек Достоевского. Вы так умудрились сыграть это чудовище, что ему сопереживаешь, сопонимаешь, любое «со»... А ведь это — суть эстетики Достоевского, его человеческой и художественной позиции».

Что касается спектакля по пьесе «На дне», то здесь Галина Борисовна Волчек перевела меня просто в иное качество. Если раньше пьесу разбирали хрестоматийно и вся философия была заключена в амплитуде Лука — Сатин, то теперь впервые стали говорить о треугольнике Лука — Актер — Сатин.

— У вас было немало и других ролей...

— Я много лет связан с Белорусской киностудией. У меня есть необычная роль в фильме по сценарию Василия Быкова, замечательного писателя, пишущего о войне, — роль деда Грибоеда в фильме «Волчья стая». Социально это было очень далеко от моей природы, да и говорил текст я на белорусском языке. Однако во всех трех рецензиях написали: «Смотрите, что Никулин делает! Он вышел явно за рамки Быкова».

Одинокая фигура человека, который лишился всего на

свете, по отдаче, по сумме мыслей, по сумме душевных движений — эта роль мне не менее дорога, чем герой Достоевского.

— Можно ли говорить о теме в вашем творчестве?

— Думаю, что в конечном счете это — жертва. Смешно звучит, но из пяти десятков фильмов, о которых вы упомянули, в восемнадцати меня убивают. И не потому, что я плохой человек — играю-то я как раз людей обычно очень добрых. Речь о другом — о жертве человека открытого, незащищенного, в конечном итоге светлого. Треплев застрелился, Актер повесился, Валентина в фильме «Письма к живым» убивают. Сюда относятся и мои роли добрых сказочников.

— Над чем работаете сейчас?

— Я накануне отъезда в Австрию, где снимается фильм о Петре Первом. Его ставит английская компания Эн-би-си по заказу американцев. Я утвержден на роль духовника 14-летнего Ивана Алексеевича — отца Якова, фигуры тонкой, неоднозначной.

Осенью на экраны выйдет фильм по сказке Андерсена «Калоши счастья». Многие, наверное, помнят сюжет: все захотели иметь по паре калош, чтобы быть счастливыми. Но Андерсен — мудрый человек и понимал, что все одновременно счастливыми быть не могут. Пока фильм условно назван «Осенний подарок феи». Я играю в нем главную роль — старого мастера, судя по всему, самого Андерсена.

— И последний вопрос, Валентин Юрьевич. Я знаю, вы когда-то мечтали сыграть Сирано де Бержерака в пьесе Ростана...

— Действительно, мечта была. Понимал, что — моя роль. Но это уже в прошлом. Сейчас время подходит к тому, что надо подумывать о Лире.

А если смотреть шире, то я согласен: да, пропускаем очень много. Предвижу вопрос: почему? А потому, что не мы выбираем, а нас выбирают. Но это уже отдельная тема, которую можно было бы озаглавить: актер находит своего режиссера. Многие актеры, прожив целую жизнь, в большей или меньшей степени творческую, так и не попадают на своего «мастера».

Говорят, что мне грех жаловаться. Говорят, что моя тема просвечивает — угадывается и в песнях, и в поэзии. Пробирается нечто, что А. Баталов однажды назвал «свое никулинское».

Что ж, рад, если так оно и есть.

Беседу вела Н. БУЧАЦКАЯ.